

Story

ЗШЛИ ФОРД

Для поклонников бестселлеров
«ЗАМОК ИЗ СТЕКЛА» И «ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЧЕЛ»

ПЛОХАЯ ХОРОШАЯ ДОЧЬ

ЧТО НЕ ТАК С ТЕМИ, КТО НАС ЛЮБИТ

«Блестяще, искренне, тонко. Эта книга пронизана такой любовью и тоской, что я забывал дышать, читая ее».

ДЖОН ГРИН, автор романов «Виноваты звезды»,
«Бумажные города», «В поисках Аляски»

Эшли Форд
**Плохая хорошая дочь. Что
не так с теми, кто нас любит**
**Серия «Зеркало. Правда,
которую я не знаю о себе»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69515680

Э. Форд. Плохая хорошая дочь. Что не так с теми, кто нас любит:

ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-189995-0

Аннотация

Эшли Форд не могла представить мир без своей большой семьи, и особенно двух женщин – матери и бабушки. Хотя мать Эшли порой была заботлива и мила, она часто жестоко наказывала своих детей за, казалось бы, незначительные проступки. Напряжение и стресс от ожидания следующей вспышки гнева вызывали у девочки постоянную тревогу и приступы паники. На это накладывались бедность и подростковый возраст. Эшли больше всего хотела бы обратиться за поддержкой к своему отцу. Но он сидит в тюрьме столько лет, сколько она себя помнит, и никто не может рассказать ей почему.

Пронзительно искренняя реальная история о взрослении, семье, стойкости и прощении.

Содержание

1	8
2	20
3	31
4	37
5	51
6	57
7	63
8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Эшли Форд Плохая хорошая дочь. Что не так с теми, кто нас любит

Ashley C. Ford
Somebody's Daughter

© 2022 by Ashley C. Ford. This edition published by arrangement with Massie & McQuilkin Literary Agents and Synopsis Literary Agency

© Перфильев О. И., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается моей семье и моим друзьям,
которые стали мне родными*

*Пусть здесь и бушует
Сильный ветер,
Но сквозь доски крыши
Этого разрушенного дома*

Имена и узнаваемые черты некоторых описанных в этой книге людей были изменены

Эшли,

должен признаться, я был удивлен, получив от тебя письмо. Я только что вернулся с работы, когда один из охранников исправительного учреждения принес мне почту. Я подумал, что это какая-нибудь заказанная мною книга или газета, потому что я почти никогда не получаю письма.

Эшли, не пойми неправильно, но через год будет двадцать лет, как я нахожусь в заключении, а это значит, что твое письмо было первым, которое ты написала мне почти за двадцать лет. Я даже поначалу не знал, как реагировать на него, а только медленно перечитывал слово за словом.

Ты права, утверждая, что ты теперь женщина, а не девочка. Поэтому я не буду обращаться к тебе как к маленькой девочке, а буду говорить с тобой как с женщиной. Но учти, что для меня ты всегда останешься моей маленькой девочкой, не говоря уже о том, что самой милой и лучшей на свете.

Я не знаю, почему Господь даровал мне тебя. Я не заслуживаю такой дочери, как ты, но Бог послал мне тебя не без причины, поэтому я очень рад быть твоим отцом. Прошу тебя! Пожалуйста! Прости меня за всю боль, которую я тебе причинил в жизни.

Я собираюсь прожить достаточно, чтобы выйти из тюрьмы. Я собираюсь устроить свою дальнейшую жизнь. Я хочу показать тебе и твоему брату Ар-Си, как сильно я люблю вас каждую секунду. Эшли, твой отец вернется домой. Не могу обещать, когда точно это случится, но я даю слово, что обязательно вернусь.

С неизменной любовью,

папа

– Просто имей в виду, что ты всегда можешь вернуться домой.

Вот оно и случилось. Я ожидала, что мать точно произнесет эти слова, заранее ненавидя этот момент. За два года до ее звонка я переехала в Бруклин из Индианы и поселилась во Флэтбуше со своим бойфрендом Келли. Наши оставшиеся на Среднем Западе друзья строили дома с четырьмя спальнями на площади в один акр под ипотеку, сравнимую с ежемесячной арендой нашей односпальной квартиры. Прожив в городе год-другой, я стала восхищаться всем тем, что раньше считала обычным для любого дома. Посудомоечными машинами, стиральными машинами со встроенными сушилками, задним двором. В нашей квартире из всего перечисленного была только посудомойка, при работе которой на второй стадии цикла с глухим грохотом сотрясались полы и стены. Расхаживая по полу, я ощущала ногами вибрацию.

Чтобы ответить на звонок матери, я встала из-за стола во время ужина. Она до сих пор жила в Форт-Уэйне, моем родном городе. Я же с тех пор, как окончила колледж одиннадцать лет назад, не раз поменяла не только дом, но и город. Она звонила раз в несколько недель – я отвечала примерно на один из двух звонков, – и мы обычно мило болтали минут десять-пятнадцать. Я научилась поддерживать легкую бесе-

ду — по крайней мере, я убеждала себя в этом, — стараясь ничего не усложнять и не врать. Мне не хотелось врать ей. Мне хотелось разговаривать с матерью так же, как я разговаривала с большинством других людей и с самой собой. Но она была не просто «какой-то человек», а моя мать, так что задача выглядела невыполнимой. Существовали определенные границы. Мы касались только тех тем, обсуждение которых не закончилось бы спорами, то есть таких, которые по большей части заставляли нас обеих смеяться.

Когда она произнесла фразу о том, что я всегда могу вернуться домой, какая-то часть меня захотела в ответ закричать: «Мама, я люблю тебя, но скорее вылезу из кожи вон и стану драться с каждым встречным на улице, чем мы снова будем жить под одной крышей». Этот красочный образ отражал мои чувства, которые я не осмеливалась выразить вслух из страха нарушить спокойный ход беседы. Перевести все в шутку я не могла, потому что в какой-то степени и вовсе не шутила. Я сердилась на себя за такие мысли, поскольку понимала: ей будет больно узнать, что я всегда так думала. Заодно я сердилась на себя и за то, что не осмелилась высказать это вслух. За то, что заботилась о ее чувствах, боясь сказать правду.

До ее звонка мы с Келли ужинали. Мы были живущими вместе любовниками, пытающимися понять, обладаем ли мы способностью превратиться из любящих друг друга людей в семью, которой мы хотели стать. Мы всячески украшали на-

ше жилище, наше Гнездышко, как мы любовно называли это тесное, но милое пространство. Развешивали дешевые плакаты в рамках на стенах, расставляли по полкам статуэтки и небольшие чучела животных. Строили своего рода баррикаду между нашими мягкими внутренними «я» и жесткой городской средой. Мы не то чтобы не могли снести удары этой среды – просто не привыкли к ее ритму, но все еще надеялись каким-то образом приспособиться к ней. Каждый день мы возвращались домой, к *нам* домой, и я ощущала защитную силу стен, окружавших пространство нашей общей любви.

У нас была небольшая кухонька, в которой я хотела готовить для кого угодно, хотя в большинстве случаев этим кем-то оказывался Келли. Мне еще многому предстояло научиться, но, как ни странно, таланты во мне все же обнаружились. Готовка была одним из способов успокоиться, справиться с мыслями и одним из вариантов, который мне предложил психотерапевт. «Постарайтесь уделять время приготовлению вкусных блюд, от которых вам станет лучше на душе. Разве кто-то сделает это лучше вас самой?» Совет был как раз того рода, какой дают за деньги. Я до сих пор готовлю. Увлеченное составление обеда или ужина стало для меня занятием, более всего похожим на хобби.

В тот вечер, когда позвонила мама, я готовила пасту. Я всегда старалась рассчитать время так, чтобы блюдо было готово как раз к появлению Келли, чтобы его можно было по-

дать через пару минут. Конечно, он бы съел мою пасту и холодной, но мне хотелось сделать все правильно. Келли работал в книжной лавке и, после того как закрывал ее, приходил домой не ранее чем без четверти десять, а чаще ближе к десяти, если ему приходилось дважды пересчитывать кассу. Я не всегда правильно рассчитывала время, но в тот вечер все получилось идеально. На наших тарелках дымились толстенькие полоски лингвини, политые приготовленным соусом из томатов с чесноком, от которых исходил пар, и мы уже держали в руках вилки.

Когда зазвонил мой телефон, лежавший на кухонном столе, я поморщилась, взглянув на экран. Я всегда старалась как можно реже брать телефон и даже смотреть на него. В свою очередь, Келли мог проходить полдня, даже не вспоминая, где находится его телефон. Не увлекался он и разными социальными сетями. Он часто просил меня отложить телефон, чтобы пообщаться с ним, особенно во время еды. В его просьбе не было ничего плохого, и я не возражала, если только не возникали неловкие моменты. Я и сама понимала, что слишком много времени провожу с телефоном, но иногда мне хотелось, чтобы он просто не обращал на это внимания, как это делала я. И мне самой нравилось находиться рядом с ним. Единственной причиной, по которой я все же решила ответить на звонок во время нашего совместного ужина, был тот факт, что мама более двадцати лет работала по одному графику и в будни после девяти почти всегда уже

спала, если не раньше. Увидев на экране ее имя, я забеспокоилась и решила ответить.

– Привет, Мать! – произнесла я фальшиво-бодрым тоном.

Предполагалось, что такой тон позволяет как можно дольше сохранять веселый настрой, насколько это допускают обстоятельства. Обычно она отвечала таким же фальшиво-бодрым тоном: «Привет, Дочь!», а потом мы обе хихикали и говорили друг другу что-нибудь бестолковое, обменивались сплетнями или задавали какие-нибудь повседневные вопросы. Но на этот раз мать ответила: «Привет, детка», и я поняла, что она позвонила не просто посплетничать. Я решила уединиться в спальне.

Закрыв за собой дверь, я села на кровать. От ожидания дальнейших слов у меня сжалась грудь. Я начала считать вдохи и выдохи, как мне советовал когда-то первый психотерапевт, но не вспомнила, на сколько именно нужно задерживать дыхание и сколько секунд выдыхать. Я никогда всерьез не задумывалась о дыхании, пока не наступал нужный момент, а тогда уже бывало слишком поздно. Я слышала, как люди описывают панику, – как будто внутри них что-то поднимается. Для меня же паника – это напряжение мышц, глухой стук в затылке, сосание под ложечкой и мурашки по коже. Ничего при этом не поднимается и не опускается. А распространяется по всему телу.

«Кто-то из моих братьев или сестра?» Больше всего я боялась, что мать позвонила мне, потому что с ними что-то про-

изошло. Начиная со старших классов, а может, и чуть раньше, мне постоянно снились кошмары о том, как кто-то из них умирает. Правда, слава богу, никаких ужасных подробностей в тех кошмарах не было. Даже в самых худших снах я не видела тот самый момент смерти. Я всегда приходила уже потом, и мне оставалось только смириться с последствиями их потери, а проснувшись, убеждаться в том, что мои любимые люди до сих пор со мной. Мать знала про мои кошмары и не раз отсылала меня обратно в кровать после того, как я врывалась в ее комнату, чтобы прислушаться к сердцебиению младшего брата или посмотреть на то, как равномерно поднимается и опускается спина сестры, тяжело дышащей, но живой, просто находящейся в глубоком сне. Кошмары усилились, когда я уехала в колледж и когда окончательно покинула Индиану.

Голос матери вернул меня к нашему незаконченному разговору. Она успокоила меня:

– Все в порядке. Все живы.

Верхняя половина моего тела обмякла от облегчения, и я рухнула на кровать. Я закрыла глаза и, чтобы погрузиться в темноту, прижала руку к закрытым векам, пока перед глазами не показался фон пурпурно-черный, как кульминация синяка.

Если звонок касался денег, то мне хотелось, чтобы она сказала об этом прямо, после чего я бы согласилась или не согласилась ей помочь, и дело с концом. Мать вздохну-

ла, чувствуя мое напряжение. Хотя она и не говорила об этом вслух, но ее все-таки немного раздражало, что я была уже взрослым человеком, который мог проявлять неудовольствие в ее адрес. Как бы мы ни старались обходить молчанием такие моменты, но когда мы испытывали недовольство друг другом, это было понятно без всяких слов. Наконец она заговорила:

– Твой отец выходит из тюрьмы.

Дыхание замерло у меня в горле где-то между ртом и легкими, как будто неуверенное в том, где оно сейчас нужнее. Сердце заколотилось, посылая кровь во вызывающие к нему дальние уголки тела, руки задрожали. «Как же там контролируют дыхание? Вдох на счет «шесть», выдох на счет «шесть»? Или шесть на вдох, семь на выдох?» Неужели я сейчас заплачу? Дрожащей рукой я провела по лицу, чтобы убедиться в том, что еще не заплакала. Нет, никаких слез. Мать продолжала молчать, и пауза вовсе не казалась фальшивой. Было ощущение, как будто она позволяет мне обратиться с мыслями и найти нужные слова для передачи моих чувств, независимо от того, какие у меня появятся мысли и как они заставят меня отреагировать.

Пульс ощущался уже во всем теле, особенно в ушах, остро воспринимавших глухие удары. Я с трудом пошевелила губами, чтобы сформулировать единственный вопрос, который более или менее отчетливо всплыл в моем сознании:

– Когда?

– Примерно через две недели. Я только сейчас узнала, что он возвращается домой.

Она снова помолчала, и я опять испытала благодарность за то, что она дала мне время собраться с мыслями.

– Ты в порядке?

Я не была в порядке, но мне не хотелось говорить о том, насколько я сейчас растеряна и волнуюсь. Конечно, было облегчением узнать, что с моими братьями и сестрой ничего не случилось, и к тому же она не сделала и не сказала ничего плохого. Вопрос прозвучал так, будто ее действительно заботило мое самочувствие; пожалуй, так оно и было. Сказать по правде, я всю жизнь ожидала услышать, что мой отец выходит из тюрьмы, но теперь, когда мне наконец сообщили об этом, я испытывала только одно ощущение – желание повесить трубку.

Как обычно, когда мать проявляла сочувствие, у меня возникал соблазн проглотить наживку. Поверить в тот фантастический вариант, что когда-нибудь я начну разрушать стены, разделявшие нас, и то же самое сделает она. И всякий раз я под конец укоряла себя за то, что отошла от обычного развития беседы, не избрала путь наименьшего сопротивления и позволила себе зайти слишком далеко на неизведанную или запретную территорию. Или, что еще хуже, дала втянуть себя в ее фантазии о том, что мы уже близки. Если мы с матерью и делились чем-то личным необдуманно, то речь скорее всего шла о тлеющем угольке мечты, что однажды мы

будем щедро пожинать плоды цветущей связи между матерью и дочерью, корни которой мы даже и не думали подпирать все это время.

Я ответила, что в порядке. Она не стала настаивать, а я ничего не добавила. Подумала, что она вовсе и не рассчитывала услышать от меня никакого ответа, и эта единственная мысль казалась настолько убедительной, что я промолчала. Просто поблагодарила ее за сообщение об отце, сказала, что люблю ее, выслушала ответное признание и повесила трубку.

В замешательстве я вернулась на кухню и села рядом с Келли, испытывая лишь одно желание – побыть рядом с ним. Мне не хотелось, чтобы до меня дотрагивались, даже когда я мысленно призывала себя сдерживать слезы. Телефон я положила на кухонный стол экраном вниз. Келли еще приканчивал свою порцию, но перестал есть и повернулся ко мне. В голове у меня закружились слова, образы, обрывки бесед, музыка и цвета – и все это в таком пестром и быстром вихре, что я едва улавливала какие-то значения их сочетаний и не могла понять, что именно они хотят сказать мне. Будь у меня такая возможность, я бы позвонила бабушке, сообщила ей новость и выслушала в ответ ее громкое: «Бог всеблаг!», как будто она специально молилась именно о таком исходе. Она была довольно религиозной женщиной, и хотя я никогда не разделяла ее веру, ее радостные восклицания приносили мне утешение, когда я больше всего в нем нуждалась.

Как сейчас.

Я снова попыталась проконтролировать дыхание и успокоиться или хотя бы не волноваться настолько, чтобы говорить без слез. Черета эмоций проходила сквозь меня быстрее, чем я могла опознать и назвать их. Единственное, что я осознавала, – так это то, что теряю контроль над собой, а потерю контроля я воспринимала как смерть, по крайней мере телом, если не разумом. Если не задумываться о чувствах, то их вроде как не ощущаешь, а если их не ощущаешь, то они не смогут тебя убить.

– Что случилось? – спросил Келли.

Я взяла в руки вилку и попробовала пасту. Она уже остыла. Она была по-прежнему хороша, но не идеальна. Немного пожевав, я проглотила и заговорила, не поднимая глаз:

– Через две недели из тюрьмы выходит мой отец.

И продолжила есть.

Келли замер и уставился на меня широко открытыми глазами, немного приоткрыв рот, но тут же закрыл его.

– Отлично. И как ты к этому относишься?

– Не знаю, – ответила я, посматривая на свой телефон и размышляя о том, не перезвонить ли матери, чтобы узнать подробности.

Но что я ей скажу? На какие из моих вопросов она сможет ответить? А если бы я и сумела подобрать верные слова или верные вопросы, то я не настолько доверяла себе, чтобы точно их сформулировать. Если я перезвоню, даже если нужно перезвонить, то мы поссоримся. В этом-то я была точно уве-

рена. Отставив тарелку, я, несмотря на все внутренние протесты, заплакала.

— Кел, — всхлипывала я. — Я на самом деле не знаю, как к этому относиться.

Сидя на табуретке, я хватала ртом воздух и вытирала слезы. Мой бойфренд терпеливо сидел рядом, посматривая на меня, и когда я опустила на колени одну руку, накрыл ее своей.

Я чувствовала, что знаю своего отца, и знаю, что он чувствует то же самое. На самом деле мы все это время по большей части лишь создавали мысленные конструкции друг друга, но не могли физически их подтвердить или опровергнуть. Мы воображали себе друг друга, представляли, какими мы окажемся, задолго до реальной встречи. Дядя Кларенс, брат отца, часто смотрел на меня, когда мы находились в одном помещении, и я иногда перехватывала его взгляд. В ответ он виновато улыбался, и улыбка его казалась такой знакомой и такой спокойной. «Извини меня. Но ты выглядишь точь-в-точь как мой брат, только поменьше и с косичками», — говорил он. Потом он обнимал меня, и мы вместе смеялись, чтобы прогнать грусть. Мне всегда хотелось, чтобы он рассказал побольше о своем младшем братце, которого так любил, о том человеке, который оставил мне свое лицо и почти ничего, помимо этого. Но дядя редко пускался в воспоминания. Да и встречались мы с ним не так уж часто. Но я продолжала мечтать.

В редких случаях, когда я навещала отца, наши встречи, пусть и приятные, были отягощены грузом наших ожиданий. Мы были рады увидеть друг друга, но не всегда могли сказать то, что хотели больше всего, из риска испортить мечты и фантазии другого. Мы никогда не обсуждали эту тему, но каким-то образом пришли к общему соглашению. Вроде негласного договора между эмоционально отчаявшимися отцом и дочерью. Контракт на поддержание поверхностной связи.

– Все в порядке, детка, – говорил отец, когда я по телефону пыталась извиниться за то, что не писала ему писем. – Напишешь, когда захочешь. Я терпеливо жду и всегда буду счастлив получить от тебя весточку.

Сам же он продолжал посылать мне письма. Он писал о том, что я его любимая девочка, его сокровище и что я лучшая дочь в мире, о какой только можно мечтать. На протяжении долгого времени это было все, что мне требовалось. Конечно, до тех пор, пока мне не понадобилось нечто большее.

Самое первое воспоминание о моем младшем брате Ар-Си: он ест переспелый помидор. Помню, как он вцепился в мясистую красную плоть, держа плод единственным доступным ему способом – сжимая изо всех сил. Это нормально для маленьких детей, которые еще не освоили моторные навыки. Для них нет разницы между «держать» и «сжимать». Он не умел по-другому, да и я, честно говоря, тоже. Конечно, внутренности помидора просочились между его маленькими пальчиками, свалившись на белый поднос. Когда он раскрыл ладонь, чтобы откусить кусочек, там оставались только холодные ниточки яркой кожицы и маленькие белые семечки.

Брат был таким маленьким, что не умел даже ходить, но я умела. Покопавшись на нижней полке холодильника, я нашла какую-то еду и попыталась нарезать ее для него ножом для масла. Он же плакал, сидя в ходунках, маленькие колесики которых катались по полу взад-вперед, когда он раскачивался во все стороны. Мама спала так крепко, что его крики не разбудили ее. Мне не хотелось, чтобы она просыпалась, и я решила помочь ей. Я старше брата на четырнадцать месяцев, так что мне, по-видимому, было тогда около трех лет, и это – мои первые воспоминания. Наверное, мое рождение стало для матери настоящим чудом. Ей еще в подростковом возрасте удалили один из яичников, и врач заявил, что дру-

гой не будет работать. Но, очевидно, в моем случае он сработал. Затем родился Ар-Си, и я перестала быть чудом. Я стала старшей сестрой, и мне это нравилось. Я с самого начала очень сильно полюбила его.

Я видела, как мама кормит его всякий раз, когда он плачет, поэтому решила, что еда доставит ему удовольствие. Он был моим лучшим другом. Я всячески заботилась о нем. Гладила его по голове и шептала: «Не плачь, малыш, не плачь».

Когда я уже училась в колледже, один из психологов в консультационном центре кампуса сказал, что я не должна помнить ничего из этого, потому что я тогда была слишком маленькой. По его словам, у большинства людей не остается никаких воспоминаний о том времени, когда им было два-три года. Я же сказала, что говорила целыми предложениями еще до того, как научилась ходить, о чем мне при каждом удобном случае напоминала бабушка.

– Ты просто не могла шагать прямо. Мы прозвали тебя «Ковылялка Ли»! – повторяла бабушка, содрогаясь от смеха всем телом и заражая им остальных, даже меня, пусть даже мне было слегка неловко от таких ее признаний. – Но ты показывала на какую-нибудь вещь и четко говорила: «Хочу вот это!» Я тогда еще думала: «Что же это за ребенок такой?»

При этих словах бабушка качала головой, изображая растерянный взгляд, который, по всей видимости, сохранила с тех пор.

Я рассказала психологу о склонности моей бабушки пре-

увеличивать мои младенческие интеллектуальные способности, так что все это может оказаться неправдой. Он что-то записывал в тетради, а я продолжала рассказывать ему истории из детства, насколько я их помнила. Самые ранние мои воспоминания похожи на засвеченные полароидные снимки, размытые по краям и с пятнами по центру. Затем, к четырем годам, картинки становились четче и чище, и их начинали сопровождать голоса. Самый громкий голос принадлежит брату, еще не умевшему как следует произносить мое имя:

– Хэши? Ты где? Где моя Хэши?

Брат настолько любил меня, что мне было легко поверить в то, что я хорошая. В каком-то смысле я была неиспорченным ребенком. Я не сомневалась в себе. Если я решала что-то попробовать, то обязательно пробовала. Если у меня не получалось задуманное, то я пробовала снова. А если получалось, то переходила к чему-то новому. Я не всегда настолько боялась мира, окружавших меня людей и того, что они могут со мной сделать. На заре жизни я нутром чуяла: не имеет значения, чем занимаются другие или что они обо мне подумают. Тогда я верила в себя.

В четыре года я научилась просыпаться и лежать тихо в ожидании рассвета. Мне хотелось увидеть солнце на рассвете, а для этого нужно было не спать. Желания маленьких детей кажутся такими же маленькими, пусть даже и связаны с небом. Все, о чем мы мечтаем в детстве, – это всего лишь

вопрос времени и усилий. Тогда еще слишком рано размышлять о своих недостатках и о том, что нас сдерживает.

В свое время огромное впечатление на меня произвела детская книжка про Солнце. Помню, с каким восхищением я взидала на нашу воспитательницу, простиравшую правую руку с разведенными пальцами для подчеркивания размеров; в левой, тоже немного отведенной в сторону, она держала книгу. Таковы были ее простодушные попытки дать дошколятам представление о невероятной величине нашей дающей жизнь всему миру звезды.

Она произнесла слова «солнечный свет», и мы хором повторили их. Глаза воспитательницы перескакивали с одного предмета на другой в нашем небольшом помещении в поисках того, что могло бы подтолкнуть нас к нужным выводам. Ни серовато-коричневые плитки на полу, ни такого же оттенка потрепанный, с пятнами ковер нисколько не помогали передать суть того, о чем она рассказывала. Как и серое небо, низко нависшие плотные облака, морозящий дождь за окном позади нее. И все же она просила нас сидеть смирно и молчать, пытаясь объяснить что-то про устройство Вселенной, пока жизнь учила нас полностью погружаться в наши собственные дела.

Мне хотелось получать новые знания. Я сидела тихо и ждала продолжения рассказа про Солнце. Учительница открыла книгу на предпоследней странице с потрясающей иллюстрацией. Огромные оранжевые, золотые, желтые вихри с

розовыми всполохами навсегда запали мне в душу.

Я не смела даже вздохнуть.

Я повторяла слово «рассвет», распускающееся бутоном на кончике моего языка. Редкие слова достойны тех чудес, которые они описывают. Глубокое «а», погруженное в горло, и верхнее «е», устремленное наружу, к свету и теплу.

Я уверена, что мне и до этого приходилось видеть рассвет, как и слышать само это слово. Небо уже тогда было в моем списке самых любимых вещей. По его виду всегда можно было догадаться о том, что меня ожидает. Солнечный день означал прогулку с семьей, особенно с моим братом Ар-Си, лучшим другом и самым замечательным товарищем по играм. Иногда с нами играла даже мама.

В дождливых днях тоже было свое очарование. Мы с мамой и братом сидели вместе на диване, переплетя ноги и руки, и смотрели фильмы. У нас было четыре или пять детских фильмов на кассетах, и брат знал их все наизусть. Иногда он полностью погружался в происходящее на экране, не сводя с него взгляда и повторяя диалоги одновременно с актерами. Мама, нахмурившись, восклицала: «Помолчи, или я выключу телевизор!» – и тогда он утихал. Но через какое-то время забывался и снова принимался повторять слова героев фильма.

Устав от детских фильмов, мама порой включала что-нибудь для более взрослых зрителей. Мы с братом смотрели и это. Моя одержимость рассветами и закатами только уси-

лилась благодаря заставкам к моим любимым телесериалам «Золотые девушки» или «Чайна-Бич». Солнце над нашим домом никогда не походило на тот фантастический огненный шар из книжки воспитательницы, но я видела нечто подобное по телевизору. Я знала, что где-то такое бывает.

В тот день, возвращаясь из детского сада на заднем сиденье машины, я решила, что хочу рассвет. Я понимала, что рассвет, как и его краски, не могут принадлежать мне одной. Некоторые вещи слишком ценны, чтобы ими не делиться. Они просто происходят, и тебе остается лишь найти подходящий момент, чтобы стать частью происходящего вместе с теми, кому тоже повезло оказаться в нужное время в нужном месте.

В первую ночь, когда я впервые попыталась увидеть рассвет, мама кого-то ждала. Обычно мы с мамой и Ар-Си спали на одной кровати в студии, но тем вечером она уложила нас на диване, что значительно осложнило мои планы. Окно располагалось прямо за кроватью, но не за диваном. Когда я просыпалась перед тем, как отправиться в детский сад, я охватывала взглядом остатки великолепных красок на небе, но этого было недостаточно. Я убедила себя в том, что рассвет выглядит иначе, ярче, великолепнее. Мне хотелось настоящего зрелища, и я знала, что достойна увидеть его. «Я хочу рассвет и увижу его» – такова была простая истина, засевавшая в моей детской голове, и я намеревалась во что бы то ни стало добиться задуманного.

Вид с дивана меня не устраивал. Тем не менее я попыталась не спать, хотя бы ради тренировки, – но тепло ног брата, прижатых к моим ногам под одеялом, погрузило меня в туман дремоты, растопившей всю мою решительность. Умом я сопротивлялась усталости, но все же близость теплого тела вскоре убаюкала меня.

Когда я проснулась на следующее утро, солнце уже находилось на небе, а телевизор был включен. До меня донеслись слова рекламы: «Курение – это яд. Сигареты убивают». Я протерла сонные глаза и увидела пачку сигарет, торчащую из черной маминой сумочки. Вдруг она не знает, что курить нельзя? Я встала, чтобы сказать ей, но в комнате ее не было. За закрытой дверью ванной был слышен шум. Я поняла, что она занимается там своими делами, но не могла дождаться, пока она выйдет, чтобы спросить разрешения. Выхватив из сумочки небольшую картонную коробку, я по одной выбросила все сигареты в мусорную корзину, набитую остатками вчерашнего ужина, состоявшего в основном из консервов. Когда мама наконец-то вышла из ванной, я рассказала ей о том, что узнала про сигареты по телевизору.

– Они могли убить тебя!

Мама закатила глаза и стала с серьезным видом искать сигареты. Только тогда я поняла, что, возможно, маме не понравится, что я уже выбросила их.

На ее лице отразилась паника, а вслед за ней запаниковала и я. Когда мы с братом вели себя плохо, мать налетала на

нас с кулаками, и в такие моменты у меня всегда появлялась мысль, что я умру. Не думаю, что мать сознательно хотела нас убить. Дело было в ее глазах. Гнев матери высасывал весь свет из ее глаз, и тогда она казалась какой-то чужой, посторонней. Как будто в ней уживались два человека: любящая Мама и иногда возникавшая на ее месте раздраженная Мать. Мать ощущалась отдельно, вне нашего общего гармоничного существования. Она возникала откуда-то изнутри Мама и делала за ту всю грязную работу. Порой такой необходимой «грязной работой» становились мы с братом.

Я тихонько сидела на диване, наблюдая за матерью, стараясь не шевелиться. Я знала, что мама рано или поздно найдет сигареты в черном мусорном мешке, причем некоторые из них – порванными пополам для надежности, и тогда меня накажут. И я уже заранее боялась боли.

Донести на себя я не могла и не хотела. Во мне уже тогда было развито чувство самосохранения. Честность не всегда была лучшим вариантом поведения. Взрослые часто повторяли, как важно говорить правду, что честные всегда получают по заслугам, но я знала, что это не так.

Наверное, раньше был случай, когда я, натворив что-то плохое, осознала это и призналась. Должно быть, наказание за тот забытый проступок оказалось достаточно суровым, потому что позже я никогда не признавалась ни в одном грешке, вытворенном в одиночестве. Я научилась хранить тайны о своем плохом поведении. Никаких признаний и от-

кровений! Если кто-нибудь и захотел бы узнать побольше, насколько плохой я могла быть, ему пришлось бы подобрать-ся ко мне поближе, но никто и не пытался.

Мать продолжала искать сигареты. В какой-то момент я понадеялась на то, что она подумает, будто сама их куда-то дела. Иногда это случалось. Такой исход стал бы для меня самым благополучным, но я не была настолько везучим ребенком, а потому просто сидела в ожидании неизбежного.

День медленно тянулся под грузом моего нарастающего страха. Тем вечером я опять заснула рано, обессилив от разлившегося по всему телу нервного ожидания. Проснувшись, судя по ощущениям, в каких-то тисках. Меня сдавило со всех сторон. Телевизор орал. Участники передачи громко кричали, и я не понимала, почему мама не убавляет звук. Голос был слишком близко, а тиски слишком плотные, чтобы я продолжала находиться где-то между сном и реальностью.

– Эшли! – голос матери окружал меня подобно эху звонкого колокола; она схватила меня обеими руками, подняла и потрясла, повторяя: – Проснись!

Я пробудилась достаточно, чтобы понять – меня разбудила не Мама, а Мать. Она застала меня врасплох посреди ночи, и мне некуда было спрятаться от совершенного мною плохого поступка. Мать вытащила меня из кровати, силком приволокла на кухню и показала длинным красивым пальцем, принадлежащим моей настоящей маме, на открытую корзину для мусора. Я даже не потрудилась спрятать сига-

реты поглубже в мусорном мешке; они так и лежали сверху, с обвинением поглядывая на меня, и я признавала свою вину. Я знала, что виновата. Мусор знал это. А теперь знала и Мать.

Засыпала я тяжело, но была рада, что Мать не потеряла контроль. Она немного дала волю рукам, но я не умерла.

И все равно рассвет будет моим. Только в другой раз.

На следующее утро, проснувшись, я увидела знакомую мне Маму, и мы обе продолжили заниматься своими делами как ни в чем не бывало. Я не винила Мать в том, что она наказала меня. Я понимала, что сама была виновата. Иногда я действительно вела себя плохо, а иногда другие плохо поступали со мной. В любом случае за дурным поведением следовало наказание. Мне хотелось верить в то, что это правда. Что все так или иначе находится под моим или чьим-то контролем. Любая моя вина – это мой выбор. Только от меня зависит, получу ли я сегодня, утаю или совру.

Я решила притвориться хорошей – самым хорошим ребенком, какой только может быть. Тихим и спокойным. Весь день – в детском саду, после него и почти все время дома – я постоянно молчала и открывала рот, только когда ко мне обращались. Это сработало. Мама сказала: «Сегодня ты такая хорошая девочка!» Я улыбнулась, но ничего не сказала.

Я вела себя настолько тихо, что мама не заметила, что мои глаза были открыты, когда она засыпала. Она не обратила внимания, что я перешептываюсь со своей тенью, чтобы не

заснуть. Она не почувствовала, как я склонилась над нашим деревянным изголовьем в предрассветных сумерках, откинула бордовую занавеску и встретила рассвет в одиночестве. Солнце вставало для меня – для меня одной – и раскрасило небо в некое подобие разведенных в чашке с молоком разноцветных хлопьев «Лаки Чармз». Нежно-розовые и лавандовые подбрюшья облаков превращались в кроваво-оранжевые. Я шептала своей тени, что хочу удержать солнце для себя. Тень в ответ шептала советы о том, как сохранить воспоминания. Я наблюдала за подъемом солнца, пока оно не начало слепить глаза, а потом сомкнула веки и постаралась запомнить.

Мама не знала, что я могу вести себя плохо и при этом наслаждаться рассветом. Она не знала, что я умею хранить свою правду и свои воспоминания внутри себя. Но я знала.

Прежде чем учительница показала мне яркие пастельные цвета рассвета, я подружилась с темными цветами бабушкиной спальни. Комната пропахла ее пудрой и лосьонами и по запаху производила впечатление кондитерской лавки, а не места для отдыха. Не раз ей приходилось вырывать различные средства для ухода за кожей из рук внуков и внучек, облизывающих, откусывающих или проглатывающих драгоценное содержимое упаковок с веществами, источающими уж слишком привлекательные ароматы, чтобы оказаться несъедобными. Что-то в обстановке спальни моей бабушки наводило на мысли о безопасности, и это было единственное место, в котором я не возражала оставаться в одиночестве.

Тишина не заставляла меня почувствовать тесноту пространства – скорее, наоборот, расширяла его. Именно тут, как нигде больше, я ощущала себя частью этого пространства. Когда я выключала свет, никто не догадывался, что я здесь, рассказываю сама себе всякие истории и создаю разные безопасные миры у себя в голове. Другие обычно проходили мимо, не зная, что я сижу тут рядом с ними в темноте.

Не помню, запирали ли бабушка свою комнату или я просто знала, где лежат ключи, – скорее всего, последнее. Однажды я вошла туда, не включив освещение. Из окон на кухне и в гостиной, которые разделяли лишь несколько футов, про-

сачивалось немного света. Я начала напевать себе под нос мелодию из своего любимого мультфильма «*The Little Bits*» («Маленькие существа»). Никто, кроме собственной тени, меня не слышал, и потому я пела свободно, не опасаясь наказания. В последний раз, когда я пела эту мелодию, получила в благодарность шлепок по губам. Конечно, потом взрослые поняли, что я не обзывала никого «маленькими сучками», а просто невнятно произносила слова из песенки, как это бывает с малышами. Пересказывая эту историю, они смеялись. Но, поднимаясь по ступенькам в спальню бабушки, я без всякого страха кружилась в такт мелодии. Потом щелкнула выключателем и замолчала.

Бабушка предала меня. Или, по крайней мере, мне так показалось. В ее спальне было полным-полно игрушек. Маленькая барабанная установка, самосвал Тонка, кукла-младенец, настольная игра, название которой я не смогла прочитать или не сохранила в памяти. Под ними лежали другие игрушки, а за ними – еще больше игрушек. Оказалось, у нее все это время было столько всяких игрушек, о которых я мечтала, а она даже не делилась ими со мной. Со мной! Бабушка была моим лучшим другом после Ар-Си. И заодно своего рода вторым родителем, поскольку отец находился в тюрьме. Даже когда мы с мамой и братом оставались втроем, без бабушки Билли возникало ощущение какой-то незаконченности.

Почему она скрывала от меня игрушки? И при этом го-

ворила матери: «Иногда я ощущаю такое родство с Эшли, что мне кажется, будто именно я ее родила». И, насколько я помню из постоянных пересказов этой истории, мать отвечала: «Ну, вообще-то ты ее не рожала».

Во мне забрезжила какая-то догадка, и я поняла, что лучше уйти. Я не должна была видеть эти игрушки, даже если и не знала почему. Я лишь надеялась немного побыть одной, попеть, покрутиться, пошептаться со своей тенью. А вместо этого совершила очередной плохой поступок, который тоже останется в тайне. Во всяком случае, никто не пострадает. Никому не придется выдавать свои секреты.

Через несколько недель я позабыла о сокровищах в бабушкиной спальне. Страх того, что взрослые узнают о моем пребывании там, перевесил желание расспросить их о подробностях. Я должна была забыть игрушки, забыть свои ощущения. Мне следовало перестать пробираться в места, в которых мне находиться не полагалось. Мне не хотелось попадать в беду, но еще сильнее и навязчивее был страх, что я открыла дверь в какое-то место, откуда нет возврата.

Начался праздничный сезон, принесший столь необходимое мне отвлечение. Мы с братом спали в огнях рождественской елки, и перед сном, закрыв глаза, наблюдали за тем, как перед нашими веками переливаются синие, оранжевые, красные и фиолетовые огни. По крайней мере, однажды мама усадила нас, завернутых в одеяла, на заднее сиденье машины вместе с закусками и напитками, и мы поехали куда-то

в вечерний сумрак среди снегопада. Мама не говорила, куда мы едем, но было понятно, что на север.

Центр Форт-Уэйна был почти безлюдным, и мама свернула на улицу с односторонним движением с нарядно украшенными историческими зданиями, проехавшись сначала на запад, а потом на восток. Наша официальная прогулка началась с хлебопекарни, где механическое колесо продолжало бесконечный процесс нарезания хлеба. Запах горячего теста, сахара и дрожжей пробуждал рождественское настроение. Пекарню украшали мигающие гирлянды, каскадом свисавшие с нижней опоры не перестававшего вращаться колеса. Мы проехали мимо банка PNC, возле которого были установлены освещенные фигуры Санта-Клауса с его оленями более чем в натуральную величину. Санта подмигнул мне. Я понимала, что это игра света и тени, но подмигнула в ответ на тот случай, если об этом эпизоде узнает настоящий Санта.

Под конец поездки мы добрались до площади с ярким зеленым венком, там мама остановилась и вывела нас из машины. Мы втроем прыгали под венком, установленным слишком высоко, чтобы до него вообще кто-то достал. Мы на это и не надеялись и все же не прекращали попытки. Потом мама кидалась в нас снежками, а мы кидались в нее в ответ. В талом снеге на наших волосах отражались зеленые фонари. Когда мы шли обратно к машине, мне, несмотря на холодную погоду, было очень тепло, но внутри росла грусть – она тянулась откуда-то из прошлого, которое я не могла вспом-

нить, но при этом не забыла окончательно.

Проснувшись в рождественское утро, мы увидели, что под елкой появились подарки; некоторые из них были завернуты, а по крайней мере один был слишком большим, чтобы его можно было завернуть. Мы с братом вскочили с кровати и помчались к елке, но я тут же остановилась, смирно ожидая раздачи подарков, как и советовала нам мама. Глаза мои не сразу сфокусировались, но я вдруг разглядела среди вещей перед нами маленькую барабанную установку. Я уселась рядом с мамой и братом не сразу, но она не заметила моих колебаний. Как бы мы ни были возбуждены, но она с еще большим волнением ожидала, когда мы начнем разворачивать и разрывать упаковки, рассматривая материальные плоды ее усилий. Она вручила брату коробку, едва ли не вдвое превышавшую размер его головы, обернутую в бумагу с как будто от руки нарисованными изображениями елочек и украшений.

Ёлка. Вот чего не хватало в бабушкиной спальне. Если бы все те игрушки были завернуты в праздничную упаковку и лежали под елкой, они были бы точь-в-точь как те, что мы открывали сейчас. Я вновь осознала, какой плохой поступок совершила тогда, и не понимала, что делать с возникшей грустью. За те секунды, которые потребовались брату, чтобы разорвать бумагу с елочками, отделявшую его от новенького желтого самосвала Тонка, я поняла, что Санта-Клаус ненастоящий. Однажды я нашла внутри себя потайное место, за-

щищая свое «плохое я», ту часть себя, которая предпочитала не говорить правду, но раньше мне не приходило в голову, что свое «плохое я» может быть у каждого. То самое «я», которое не говорит правду, поскольку усвоило те же уроки, что и я, и знает, что тишина и темнота – хорошее место, где можно спрятаться от криков и пощечин.

Что-то внутри меня щелкнуло, я вдруг перестала восхищаться волшебством, а вместо этого стала притворяться, как взрослые. Я сотворила это с собой. В поисках своей тени я потеряла часть своего детского изумления перед чудом, не понимая, что это не торговая сделка. Мне захотелось плакать, и я заплакала. Потом посмотрела на Ар-Си, распахнувшего свои огромные глаза. Он улыбался и сиял подобно солнцу, вращая в руках свой новенький самосвал. Потом поднял глаза, ожидая, что я разделю с ним очередной радостный момент, как было лишь несколько мгновений назад. Я развела руки с растопыренными пальцами, обращаясь к самой радостной части своей жизни, своему брату.

– Ар-Си! Ты только посмотри, что нам принес Санта!

Я не знала, считать ли это ложью, еще одним пунктом в уже начатом мною списке своих плохих поступков, больших и малых. Я знала, что мой брат счастлив от того, что получил самосвал, и от того, что Санта счел нас достаточно хорошими и достойными такой редкой щедрости. Ради себя и брата я устроила настоящее представление. Я-то уже знала, что не настолько хороша. Я доказала это себе своим детским умом.

Однажды, когда мы по-семейному дремали на диване, я, окруженная руками и ногами матери и брата, наполовину проснулась и увидела в углу комнаты какого-то человека. Я моргнула, но он не исчез.

– Уходи, – прошептала я.

Он не ушел. Я испугалась, и как только это поняла, он протянул руку и поцарапал мне лицо.

Потом я проснулась по-настоящему, по-прежнему в окружении мирно посапывающих родных. Человек исчез. Значит, это был сон. По всему телу разлилось чувство облегчения, и я немного повертелась, чтобы принять более удобное положение. И ощутила что-то липкое на лице. Я провела по нему тыльной стороной ладони и поняла, что это горячая кровь, еще до того, как увидела ее следы на костяшках пальцев. Тут меня снова охватил страх. Я закрыла глаза и притворялась спящей до тех пор, пока не проснулась мама. Я не стала показывать ей свое лицо, ожидая, что она заметит сама. Она заметила буквально через несколько секунд после того, как открыла глаза. Она сказала, что я, должна быть, сама расцарапала себе лицо во время сна. Почистив царапину, она поцеловала ее и сказала, что, наверное, останется след. Потом я показала след бабушке и рассказала про человека из сна, ожидая, что бабушка станет утешать меня, скажет,

что сны ненастоящие, а кошмары не всегда приходят, когда я закрываю глаза.

– Ты говорила с ним? – требовательно спросила она, добавив, что то, что я видела или мне приснилось (я уже сама не была уверена), возможно, было демоном.

– Нет! – вылетело у меня с ненужной агрессией детской лжи, но по ее лицу и тону я догадалась, что «нет» было единственным верным ответом на ее вопрос. В моей же памяти засело произнесенное шепотом и окутанное страхом слово «уходи».

Бабушка сказала, что демоны находят разные способы показаться нам в жизни, и даже в снах, и что их цель в том, чтобы одурачить меня, как и всех других, и склонить на совершение чего-то дурного.

– Враги, – так она назвала их. – Даже не пытайся заговорить с ними. Так они и проникают внутрь тебя.

Конечно, у меня возникла куча вопросов по поводу того, как именно это работает. Получается, что демоны хотят одурачить меня, заставить заговорить с ними, чтобы проникнуть внутрь меня и сделать... что? И зачем им я? Я ведь всего лишь ребенок. Тогда бабушка объяснила мне, что прямо сейчас я учусь быть хорошей женщиной, стараясь быть хорошей девочкой. Но когда мне исполнится двенадцать лет, я перед глазами Господа официально стану нести ответственность за любые свои плохие или неправильные поступки. Она сказала, что Бог присматривает за мной, но демоны де-

лают то же самое в ожидании того, кем я решу стать и каким путем из хлебных крошек – праведным или неправедным – последую в первые двенадцать лет своей жизни.

– Если демоны сочтут, что ты достаточно слаба, то начнут принуждать тебя к поступкам, о которых ты даже не вспомнишь.

Наверное, поэтому я поверила своим двоюродным братьям, когда те сказали, что это я сожгла нашу первую квартиру. Да, она сгорела, это факт. В пламени исчезли фотографии младенцев, одежда и другие реквизиты жизни матери-одиночки с двумя детьми, но ничего этого я не помнила. Я помнила только рассказ двоюродных братьев о том, что я играла с вещами, с которыми нельзя играть, включила их в розетки и забыла. Они сказали, что все, что я любила, за исключением матери и брата, превратилось в пепел и прах, и я приняла вину на себя. Я не сомневалась, что так оно и было. А кто еще станет разговаривать с демонами?

Мы переехали в триплекс, в задней части которого располагалась квартира бабушки с одной спальней. Ее входная дверь находилась всего в трех-четыре футах от нашей задней двери, и наше маленькое семейство часто заходило к ней. В третьей квартире с двумя спальнями над нами жили младшая сестра матери с мужем и двумя детьми. Мы не так часто гостили у них, но лишь потому, что нас всегда можно было найти у бабушки. Я с двоюродными братьями часто ва-

лялась часами в траве позади нашего общего дома, разглядывая небо и стараясь рассмешить их. Все мы тогда были счастливы.

Насколько я помню, бабушка была первым человеком, которого я спросила про своего отца. Я сидела на ее кровати, а она рядом со мной раскладывала одежду из химчистки. У нее было так много платьев ярких расцветок с изображениями животных, а также расшитых блестками, что ими были забиты все полки в шкафу, а когда она пыталась освободить место для новых, одно-два старых платья обязательно сваливались на пол. В отдельном ящике хранились также многочисленные туфли и сумки, которые я видела только в церкви на воскресной службе, на праздничном концерте, на свадьбе или на похоронах. По ее словам, это были даже не самые лучшие ее вещи.

– О, когда я была молодой! – вздохнула она, и ее глаза совершили почти полный круг из одного конца спальни в другой. – Говорю тебе: когда я отправлялась послушать музыку или на танцы – вот тогда-то я была по-настоящему одета.

Плохо освещенный шкаф только усиливал мое любопытство. В одном углу горой стояли коробки из-под обуви, но, открыв какую-нибудь из них, можно было обнаружить что угодно: от пачки писем, которые я не могла прочитать, до ни разу не использованных украшений, за находку которых бабушка меня благодарила. Были там и старые семейные фотографии, которые я часто пересматривала. Я могла легко

вообразить бабушку молодой, не такой, какая сейчас стояла рядом. Ей было всего сорок семь лет, но она успела дважды развестись, воспитать пять девочек и уже имела девять внуков и внучек с ожидаемым в квартире наверху десятым. Я подошла к ее шкафу и вытащила мой любимый набор фотографий из зеленой коробки в углу. Раскладывая их перед собой, я заметила несколько снимков, которые раньше никто не показывал и не выставлял на всеобщее обозрение, так что я могла спрашивать о них. Я всегда задавала какие-то вопросы, и бабушка была одной из немногих, кто даже не пытался меня остановить.

На одном старом снимке бабушка сидела на углу кровати в помещении, похожем на гостиничный номер. На ее лице расплывалась знакомая улыбка с широко расставленными зубами; она слегка откинулась, обнажив приличную часть бедра в доходящем едва ли не до пояса разрезе облегающего платья. Эта фотография была второй среди моих самых любимых. В ней было столько всего, что я обожала. Бабушка. Красивое платье. Но самое замечательное – это ее прическа. Большой круг «афро», образующий ореол вокруг ее сияющего лица с едва изогнутыми бровями. Ей нравилось подчеркивать свою красоту, и она всегда старалась выглядеть на все сто. Ни на одной фотографии она не казалась неряшливой, презирая это качество и в других людях. Она не находила никаких оправданий небрежности, особенно для себя. В моем представлении бабушка сразу пришла в мир красивой

женщиной и продолжала ею быть, потому что именно этого и хотела. Она выбирала правильную одежду, правильные причёски, правильные обувь и мебель. Не знаю даже как. Просто по наитию.

Бабушка даже с Богом говорила правильно. Когда мы ходили в церковь вместе и пастор приглашал собравшихся вознести хвалу Господу, горло у меня сжималось, а губы неме­ли. Я уже знала наизусть несколько псалмов, но когда пыталась читать сама, пусть даже в безопасности запертой ванной, то всегда ощущала неловкость, видя свое отражение в зеркале. Бабушка же никогда не испытывала неловкости. По призыву пастора она с легкостью выдавала целую тираду на непонятном наречии. Судя по реакции окружающих, это был некий священный язык. После одного такого случая я спросила ее, о чем она говорила.

– Ты не поймешь, – ответила она. – Это способ, которому меня научил Бог для общения с Ним. Это особый язык для нас двоих. Для тебя он всегда будет звучать непонятно.

Однажды я притворилась, будто понимаю. После особенно бурной и эмоциональной воскресной проповеди тогдашнего пастора бабушка собралась с силами, взяла меня за руку и протиснулась к алтарю. Подойдя ближе к кафедре, я увидела, как пастор прикасается ко лбам других прихожан, молится за них, а затем как будто с силой толкает их на пол. Служки, мужчины и женщины в черных одеждах и белых перчатках, поспешно накрывали корчащихся в религиозном

экстазе верующих короткими красными покрывалами. Люди на полу смеялись и плакали одновременно. Мне казалось, что они выглядят глупо и немного страшно. Мы с бабушкой стояли в очереди, и когда пастор повалил ее на землю, я хотела ударить его в ответ, но потом услышала ее смех. Моя бабушка, как и все остальные люди под красными покрывалами, извивалась на полу, преисполненная ни с чем не сравнимой радостью Святого Духа. Когда я начала смеяться, один из служителей церкви бережно потянул меня на пол рядом с ней и набросил на меня свое покрывало.

Мне было интересно, сколько моих знакомых уже научились разговаривать с Богом, и я задавалась вопросом, почему Бог дарует человеку только один способ общения с Ним. Разве это не скучно? Церковь и без того была достаточно скучной. Тем не менее никто другой не говорил о Боге так много, как моя бабушка, и это навело меня на мысль, что она, должно быть, ближе всех к Нему. Она должна была знать, какое обращение к себе Он предпочитает. Она всегда знала. Иногда о Боге говорила моя мама, а также несколько моих тетюшек и взрослых друзей семьи – часто лишь для того, чтобы объяснить мне, как мое поведение огорчает Его. Насколько я знала, никто из них не разговаривал с Ним так, как бабушка. Но я знала не всех взрослых. У нас было так много родственников и друзей семьи, что всякий раз, как мать начинала общаться с кем-то тепло и с любовью, как со старым знакомым, мне казалось, будто это кто-то новый. И даже если

я не знала человека раньше, то казалось, будто я забыла его, и мне нужно было напоминать, кто он такой. Фотографии в бабушкином шкафу хранили множество семейных историй, которых я прежде не знала, а некоторых не знаю до сих пор. Но мне всегда нравились истории.

Отложив фотографию бабушки в красивом платье, я взяла ту, которую еще не видела. В нижней ее части сидели мы с братом, заключив друг друга в объятия и преувеличенно широко улыбаясь на камеру – судя по всему, нам приказали так улыбаться. Нашу настоящую радость передают объятия на тусклом фоне. Края декорации смялись, и фотограф даже не потрудился их подрезать или выровнять. Пол выложен шахматной плиткой, нас окружают горохового цвета стулья различной степени изношенности. Над нами стоит улыбающаяся мама, устремив взор прямо в камеру. Ее обнимает мужчина с лицом брата. Глаза мужчины сияют счастьем. Я понимаю, что должна знать, кто это, но не знаю.

Без колебаний я поворачиваюсь к бабушке, протягиваю фотографию к ее лицу и спрашиваю:

– Кто это?

Бабушка прекратила сортировать одежду и посмотрела на фотографию.

– О, детка! – почти резко выпалила она, но смягчила ответ легким смехом.

Взяв фотографию у меня из рук, она поднесла ее поближе к глазам. Очки скользнули вниз по переносице, остановив-

шись на самом округлом краю носа. Некоторое время она держала фотографию неподвижно, сжав губы и покачивая головой, а потом вернула мне.

– Страшный позор, что ты не узнаешь своего папу.

Я не помню времени, когда отец еще не находился в заключении, или попросту «в тюрьме», как я говорила на протяжении первых десяти лет жизни, но помню, как с трудом цеплялась за воспоминание о нем – за сам факт его существования. Маму, бабушку и брата я видела каждый день. Солнце приветствовало меня каждый день независимо от того, видела ли я его восход. Каждую ночь я молилась Богу, как меня учили. Я могла перечислить буквы алфавита, подпевать передаваемым по радио песням и даже завязывать шнурки при достаточной практике. Помнить обо всем этом было легко. Но образ моего отца, находящегося где-то далеко-далеко, исчезнувшего без всяких объяснений, постепенно угасал на заднем плане повседневной жизни четырехлетки, пока я окончательно не забыла, что и он когда-то был частью всего. Но прежде чем попасть в тюрьму, он тоже был дома, вместе со мной и мамой. Перед тем как исчезнуть, он любил меня.

Бабушка оглядела комнату, как будто кто-то мог нас слышать, а потом села на кровать рядом со мной. Я продолжала вглядываться в лицо мужчины, думая: «О да. Это мой папа». Я не сомневалась, что взрослые рассказывали мне о нем, но эти рассказы не запечатлелись в моей памяти. Наверное, тогда эта информация не показалась мне полезной. Наклонив-

шись, бабушка сказала:

– Ты знаешь, как сильно он любил тебя?

Потом выпрямилась и посмотрела на открытую дверь. Далее слова полились из нее, как будто она сдерживала их долгое время и наконец-то смогла выпустить наружу.

– Твой папа брал тебя с собой почти всегда. Мог бы и на работу тебя привести, если бы было можно.

Она усмехнулась себе под нос и хлопнула меня по плечу, как старую подругу.

– Мама ужасно злилась на него за то, что он берет тебя с собой, знакомит со всеми, а ты ходила в одном носке, со следами молока в складках на пухленькой шейке!

Она уже покачивалась, еле сдерживаясь от хохота. Мамин голос в ее исполнении был высоким и жалобным, совсем не похожим на настоящий.

– И она еще говорила: «Хватит шлаться где ни попадая с моей дочерью в таком виде!»

Мы обе рассмеялись, представив один из приступов гнева моей матери, как она сердится на отца в желании обезопасить меня. Мне нравилось думать, что мама оберегает меня и даже защитит от демона, если тот надумает еще раз явиться ночью.

– Ему хотелось хвастаться тобой при каждом удобном случае, а маме хотелось, чтобы ты выглядела прилично. Уж очень они оба любили тебя. Просто были молодыми.

Последнюю фразу бабушка произнесла как бы в оправда-

ние, и я не понимала почему.

— Когда твоего отца посадили, я была в Миссури и даже не сразу узнала... — Она сомкнула губы, закрыла глаза и немного посидела молча — то ли что-то вспоминая, то ли подбирая нужные слова. — Когда же я вернулась из Миссури, твоя мама поджидала меня у двери моего дома, беременная твоим братом, вся в слезах. Вцепилась мне в юбку и повторяла: «Я так скучаю по нему, мама, так скучаю».

Бабушка постаралась как можно живее передать чувства моей матери, напрягая каждый мускул своего лица, чтобы передать душевную боль своей дочери. Потом посмотрела на свои руки.

— А я даже не знала, в чем дело. Но велела собраться с силами и пройти в дом. Она была так расстроена, что твоего отца забрали. Я не знала что сказать. Ну да, так уж получилось, что ему пришлось уехать. Но это не значит, что он не любил вас всех. Я знаю, он любил.

Мою грудь переполняла благодарность бабушке за фотографии и за историю о моем отце. Да, папа любил меня, а мама оберегала. Но буквально через несколько секунд мне в голову пришли грустные мысли.

Я вспомнила, как однажды бабушка рассказывала мне про Бога: «Во время молитвы не нужно просить о чем попало. Нужно благодарить Бога и молиться о том, чтобы он знал, что ты думаешь о правильных вещах». Ее слова потрясли меня. Я не знала, что должна думать о чем-то конкретном в

угоду Богу. В панике я попросила бабушку сказать, что же это за «правильные вещи», чтобы в следующий раз думать именно о них. Она ответила таким тоном, будто я была ужасно глупым ребенком, задающим ужасно глупые вопросы, но с которым нужно поделиться какой-то очень важной тайной.

– Просто води себя хорошо, и тогда тебе не нужно будет ни о чем беспокоиться.

Потом повернулась и продолжила беседовать с другой прихожанкой, тоже чьей-то бабушкой, с таким видом, будто этот разговор ни в коем случае нельзя было прерывать. А голова у меня продолжала кружиться. Я не понимала, почему она просто не сказала, чего хочет от меня Бог. Но теперь я задалась вопросом: а вдруг Бог разозлится на меня за то, что я забыла того, кто любил меня?

Вместо того чтобы задавать бабушке очередные вопросы, вернувшись в ее спальню, в окружении снимков людей, каждый из которых заслуживал отдельного упоминания, я решила сказать ей нечто очень важное.

– Я буду молиться о папе.

Мне казалось это хорошей идеей – не забывать его и добавлять его имя в свои серьезные молитвы перед сном.

– Детка, – сказала бабушка, вставая с кровати и подхватывая рукой последние неразложенные предметы одежды, – Бог и вправду удостоил тебя своим присутствием.

Отвернувшись к шкафу, она посмотрела на часы и сказала, что ожидает с минуты на минуту прихода своей подруги

Венди. Потом поцеловала меня в лоб и сказала, что ей нужно подготовиться.

– Иди поиграй с братом. Он, наверное, уже обыскался тебя.

Я бросилась вниз по лестнице, прошла через бабушкину кухню и вышла на общее заднее крыльцо. Я закрыла за собой дверь, но вместо того, чтобы последовать ее совету, преодолела одним прыжком несколько ступенек, ведущих на задний двор, легла спиной на траву и попыталась вызвать в памяти отца. Посреди танцующих солнечных пятен я воображала, как папа водит меня, показывая своим знакомым, с горящими глазами и белозубой улыбкой, спрашивая каждого, не удостоился ли еще тот чести познакомиться с его потрясающей крошкой. Я попыталась представить, как мама добродушно распекает его за мой внешний вид, но внутри едва не лопается от гордости за то, что я – ее дочь, такая чудесная и великолепная.

Та фотография, на которой мы были запечатлены вчетвером, навсегда осталась у меня в памяти. Наши тела соприкасаются, и все мы подались вперед, как будто в любой момент готовые изобразить плохо отрепетированную фигуру танго или вальса. На этом снимке мы застыли вместе, одновременно счастливые, печальные и испуганные. В тех образах, которые я представляла себе, пока лежала на траве, и которые надеялась сохранить; мы все, танцуя, выходили из ворот тюрьмы, а в наших глазах и улыбках отражалась радость. Снару-

жи нас поджидал толстый слой только что выпавшего снега.

Мама познакомилась с приехавшим из Флориды мужчиной, двоюродным братом какой-то ее знакомой, и сошлась с ним. Мы иногда приходили к нему. Брата обычно оставляли с одной из теток или с бабушкой, потому что он был еще совсем маленьким и требовал много внимания, а я в четыре года была более покладистой. В детстве мы часто рассматривали его фотографию, которую я не видела уже много лет. На том снимке он сидел посреди коридора нашего дома, склонив свое пухлое тельце набок и едва не касаясь головой пола, с ужасно жалобным видом, и кричал прямо в объектив. «Он никуда меня не пускает!» Мама показывала всем эту фотографию с недовольным видом, но втайне гордясь. Брат, в отличие от меня, постоянно тянулся к ней, я же чаще предпочитала гулять где хочется. Я умела исчезать. Иногда маме бывало нужно, чтобы я исчезла.

После ареста отца ей пришлось как-то устраивать личную жизнь, и тот мужчина показался подходящей кандидатурой. Он был достаточно милым, хотя, по словам бабушки, «слишком путался с женщинами». Он уверял маму, что покончил с той, которую они всегда называли только «она». Иногда они даже ссорились по поводу «нее». Однажды они устроили настоящую драку и он швырнул в маму пакет с замороженным хлебом, но промахнулся и попал мне в лицо.

Я ощутила внезапно вспыхнувшую боль, а потом из моего носа ручьем хлынула кровь, перепачкав мне блузку. Мама отвела меня в ванную, усадила на унитаз и принялась промокать нос ватными тампонами. Я не плакала. Я боялась, что мой нос сломался от удара или от слишком сильного нажима, но мне не хотелось, чтобы мама оставалась одна или сидела на меня. К тому же тот мужчина мне нравился. Он был добр ко мне и всегда дарил большие шоколадные батончики, которые хранил на нижней полке холодильника. Я настаивала, что все в порядке и мне не больно.

Но мама все равно плакала и кричала своему ухажеру:
– Посмотри! Посмотри, что ты сделал с моей малышкой!

Она продолжала зажимать мне нос туалетной бумагой, и мне действительно становилось больно. Мама плакала как обычно – так, что из ее глаз слезы текли потоком, и при этом повторяла что-то малопонятное. Что-то произошло между ней и этим мужчиной. Может быть, связанное с «ней», я не знаю. Но мне хотелось, чтобы мама перестала плакать. Мне ужасно не нравилось, когда она плакала, или кричала, или просто была чем-то недовольна. Я позволяла ей засовывать мне в нос одну салфетку за другой и не жаловалась. Ее слезы говорили о том, что она боится, а мне не хотелось, чтобы она боялась за меня.

Ее ухажер стоял у двери в ванную, сначала обхватив лицо ладонями, а затем засунув руки в карманы. Он поглядывал на маму с грустным видом, а когда переводил взгляд на ме-

ня, то казался еще печальнее. Потом он присел передо мной, взял меня за руку и заглянул мне прямо в глаза.

– Извини, мне очень жаль, – сказал он. – Прости.

– Ничего, все нормально.

Он смотрел прямо на меня, но было такое впечатление, что обращается он не ко мне. Я не знала ни одного взрослого, кто извинялся бы перед ребенком, так что его извинения казались мне неестественными, как и слезы матери. Мне не хотелось, чтобы кто-то меня жалел; мне не хотелось, чтобы из-за меня кто-то плакал. Мне хотелось как можно быстрее все это прекратить.

– Все в порядке, – сказала я. – Я прощаю вас.

Насколько я помню, это был первый случай, когда я произнесла такие слова в чей-то адрес. Он стал первым в длинной череде мужчин, которые пытались загладить свою вину передо мной. Тогда я еще не понимала, что у меня есть выбор и что можно не прощать. Особенно когда приносящий извинения человек на самом деле не испытывает никаких угрызений совести.

И все же было приятно, что перед тобой извиняются, неважно кто или за что. До тех пор еще никто не извинялся передо мной за то, что ударил меня. Мне понравилось ощущение того, что я достойна извинений за то, что мне причинили боль, даже если не хотели. Как будто мои чувства имели значение.

Мама никогда не извинялась.

В одном из воспоминаний, которых у меня не должно было остаться, я находилась на кухне, а мама собиралась выпрямлять мне волосы. Я стояла на табуретке или на стуле и была еще недостаточно высокой, чтобы дотянуться до раковины, где мне собирались мыть голову. Меня обманом завлекли сюда улыбающиеся взрослые, то и дело спрашивавшие: «Хочешь, чтобы у тебя была хорошенькая прическа?» – более высокими, чем обычно, голосами. Я не понимала, что значит «хорошенькая прическа», но мне нравилось, как вытягивались их лица при этом вопросе.

И вот мама нависла надо мной и обхватила мою голову красивыми руками, которые я унаследовала от нее. Ее длинные пальцы нанесли мне на голову средство для выпрямления волос. Я не знала, что оно ужасно жгучее. Может, меня и предупреждали, но к тому моменту я об этом забыла, и мне показалось, что кто-то подкрался и поджег мне голову. Как будто по голове у меня замаршировали огненные муравьи. Мама нагнула мне голову и подставила под кран из нержавеющей стали. Тельце мое замерло в нерешительности.

По мере того как моя голова погружалась в раковину, звук воды, ударявшейся о дно и разбрызгивавшейся по сторонам, становился все более похожим на шум прибоя на пляже, который я видела только по телевизору. Огонь на голове, крепко вцепившиеся в нее мамины руки и тревожный гул из раковины – все это заставило меня замереть, застыть на месте. Я просто стояла как вкопанная, не желая поворачивать голо-

ву ни в ту, ни в другую сторону, как просила мама. Это ее очень рассердило.

Мама схватила меня за затылок своей мощной рукой и повернула мою голову под струю воды. Вода затекала мне в глаза и в нос, и лишь небольшая ее часть попала на краешки волос. Оглушающее эхо воды заполнило мои уши, и тут все пошло наперекосяк. Открывая глаза, я видела лишь размытые очертания маминого лица, продолжавшие таять. Я едва узнавала цвет ее кожи, волос и одежды. Но когда я переводила взгляд на раковину, когда закрывала глаза, то уже не понимала, кто меня держит. Я ничего не ощущала – ни вкуса, ни запаха, ни звуков. Проникшая в нос вода угрожала достичь горла и застрять там. Из всех ощущений осталась одна лишь боль. Я не могла дышать. Я открыла рот, чтобы закричать, но туда хлынул поток воды. Я задохнулась, закашлялась и смогла лишь выдать из себя: «Мама!»

Чуть-чуть приподняв голову, я с укором посмотрела на мать. Все это время со мной была она. Она даже не пыталась утешить меня и не извинилась. Просто бросила на меня ответный взгляд и сказала: «Хватит строить из себя недотрогу». Я не знала, что это значит, но мне не хотелось неприятностей. Более того, я до сих пор рассчитывала на «хорошенькую прическу». Медленно я опустила голову над раковиной, и она снова принялась втирать мне средство для выпрямления волос. На этот раз нежнее. Сказать по правде, было приятно, когда его смывали. Но напряжение не спадало.

Потом мне помыли волосы, обработали кондиционером, намылили шампунем, снова помыли, снова нанесли шампунь, прополоскали, вытерли полотенцем досуха, смазали и пригладили, после чего они стали блестящими. Темными, как у мамы, свисающими почти до плеч. Я посмотрела на себя в зеркало, и увиденное мне понравилось. Прическа и в самом деле была «хорошенькой». Но в глазах у меня продолжало щипать, в ушах хлюпала вода. Охватившее все тело напряжение не спадало, и я очень устала.

Мама, улыбаясь мне в зеркало, внимательно наблюдала за моей реакцией и ожидала одобрения. Всего лишь несколько мгновений назад она превращалась в чужого мне человека, обхватывая мое непокорное тело своими руками. «Для пережитого прическа не очень хорошенькая». Никогда не забуду мамино лицо, которое я разглядела сквозь пелену воды, — оно выражало непримиримую ярость. Не такое воспоминание мне хотелось бы хранить.

В те дни настроение мамы становилось игривым чаще обычного. Она, конечно, продолжала время от времени сердиться на меня с братом, но и играла с нами, и нам это нравилось.

Одной из любимых придуманных ею игр была игра под названием «Я не ваша мама». При этом она выключала весь свет в доме и грозно произносила: «Я. Не. Ваша. Мама!»

Мы с братом визжали, размахивали руками, бегали по комнате, пытаюсь найти место, чтобы спрятаться. Мама преследовала нас, рыча и хватая нас своими длинными руками, но намеренно промахиваясь, пока наконец не решила поймать одного из нас. Потом она притворялась, что пожирает наши руки с ногами и лица. Дальнейшая игра состояла в основном из щекотки, и мы хохотали так, что едва могли дышать. Игра была веселой до тех пор, пока однажды я не восприняла ее всерьез. Когда мама схватила брата и сделала вид, что «ест» его, он закричал: «Хэши! Помоги!»

На секунду мне показалось, что ему вовсе не весело. На секунду я разглядела Мать за лицом Мама. Уж слишком резким был его голос, а она потеряла контроль. Осознав это, я бросилась на кухню и схватила нож. Потом понеслась обратно в комнату, держа нож над головой, и пригрозила матери, склонившейся над копошившимся под ней Ар-Си:

– Отойди от моего брата!

Мама, заметив блеск ножа в полумраке, тут же отпустила брата, подбежала к ближайшему выключателю и включила свет. Увидев меня, четырехлетнюю, готовую едва ли не до смерти защищать своего самого любимого в мире человека, она рассмеялась.

Она смеялась так громко, что не могла остановиться. Ее неконтролируемый смех заразил нас с братом. Мы все трое попадали на пол, держась за животы, и катались от хохота. Мама смеялась, пока не обмочилась, а потом захохотала еще сильнее.

Тогда мы играли в эту игру в последний раз, но были и другие.

Иногда мы с мамой и братом носились по всему дому, проверяя все подушки, уголки и потайные места в поисках завалявшихся монет. Мама хранила банку с монетами в один, пять, десять и двадцать пять центов, которые находила на дне своей сумочки. И хотя мы иногда погружали свои руки в банку перед очередной поездкой на рынок Браунли – где мы с братом покупали дешевые сладости из стеклянных банок, которые, по нашему мнению, принадлежали самому мистеру Браунли, – хранилище это постоянно наполнялось.

Когда мама говорила, что пора разменять мелочь, это означало, что мы отправляемся в банк, где нужно было бросать наши металлические кругляши в большую спиральную трубу, выплевывавшую зеленые бумажные деньги. Ма-

ма иногда протягивала нам с братом доллар на хранение, а иногда и не протягивала. В любом случае я не жаловалась. Мне было достаточно самой поездки, которую я воспринимала как совместное приключение, и наблюдения за волшебной машиной, которая съедала нашу мелочь и выдавала что-то взамен.

Мне самой хотелось стать одной из таких волшебных машин, выплевывающих настоящие долларовые бумажки, и однажды я подговорила брата съесть центовые монетки из маминого запаса. Я еще тогда размышляла, сколько этих медных дисков мы смогли бы съесть. Потом мы глотали их одну за другой, не останавливаясь, и брат усердно пытался поспевать за мной – мой самый верный друг, готовый принять участие в любой придуманной мною игре. Так мы пожирали монеты, пока оказались физически не в состоянии продолжать, а потом, как всякие крепкие и здоровые дети, отвлеклись на какую-то другую затею и забыли об этом.

Дня через полтора, когда мы с братом принялись по очереди бегать в туалет, мама что-то заподозрила. К тому времени мы уже были приучены к самостоятельному посещению туалета, но не всегда помнили о том, что за собой нужно смывать, поэтому через какое-то время после очередного визита в уборную одного из нас оттуда донесся крик. Мы с братом вскочили и ворвались через открытую дверь в туалет, где мама с ужасом взидала на унитаз. Мы тоже с ужасом уставились на него, опасаясь, что по ошибке спустили туда то, что

спускать было нельзя, вроде ключей от машины или головы куклы. Но там лежала всего лишь обычная какашка. Однако при более внимательном рассмотрении оказалось, что не такая уж она и обычная. Да, это была какашка, сомневаться не приходилось, но она блестела. Продолжавшие тихо обтекать ее струйки воды обнажили медные монетки, отражающие свет лампы.

– Вы что, говнюки, совсем с ума сошли? – Мама не моргала, но ее поразительно спокойный голос подсказал нам, что нужно держаться как можно тише. – Вы мне унитаз чуть не разбили!

Она опустила сиденье с шумом, заставившим меня подпрыгнуть. Мы ожидали, что она нас сейчас поколотит, как Мать, плоть от плоти которой мы были, но она просто рассмеелась. Она все хохотала и хохотала, задавая вопросы воображаемому собеседнику:

– И чьи это только дети?

Мы с братом тоже засмеялись, но не успели по-настоящему развеселиться, как мама замолчала.

– Еще раз так сделаете, я голову вам оторву. Поняли?

Мы сказали, что поняли, и вышли из туалета вслед за ней. Она легла на диван, покачивая головой и хихикая.

Я всегда пыталась догадаться, какой мне следует быть, чтобы не расстраивать ее. И угадывала не так уж часто. Я не понимала, что мне не следует повторять сплетни мамы или бабушки, пока примерно год спустя к нам в дверь не посту-

чала одна женщина. Раньше она жила над нами в квартире моих тети с дядей, и мама с бабушкой шептались о том, как из ее квартиры в нашу перебегают тараканы, причем бабушка утверждала, что по крайней мере один раз видела, как насекомое проделало весь путь от одного жилища к другому. Завидев соседку, они переглядывались и иногда добавляли как бы в качестве объяснения: «Наркоманка».

Стук повторился, и мама попросила меня посмотреть через окно, кто там. Я выполнила просьбу, а потом повернулась и громко произнесла на всю комнату:

– Да это та тетя-наркоманка сверху.

Мама быстро выплеснула свое раздражение на мою задницу. Я совершенно не понимала, что я сделала не так. Боль остро расплылась по всему моему телу и отпечаталась в сознании. Я была в растерянности. Я не понимала, как стать таким ребенком, каким моя мать хотела меня видеть. Но, быстро отшлепав меня, она столь же быстро рассмеялась. Позже она рассказывала эту историю другим родственникам, едва не задыхаясь от смеха.

– Поверить не могу, что она так сказала! Клянусь, в тот день ее заднице пришлось несладко!

При этом на лице мамы расплывалась улыбка, какую я видела редко. Она как бы освещала все лицо, от линии волос до подбородка. Мне эта улыбка казалась самой замечательной. Я не была против того, чтобы она рассказывала такие истории. После того как забываешь о боли, смеяться над шутка-

ми становится легче. Иногда эта улыбка заставляла меня забыть о боли, и я тоже смеялась. Со временем смеяться, забывая о боли, оказывалось все легче и легче.

Маме хотелось все время находиться со своим ухажером. Тот был совсем не против, но свою роль играли расстояние, молодость, а также всегда пребывающая на заднем плане какая-то другая женщина. Долго их отношения продолжаться не могли. Как быстро он возник в ее жизни, так же быстро из нее и пропал. Кульминацией первой стадии тех отношений стал мой второй брат, родившийся бездыханным. Бабушка говорила, что он родился маленьким и серым, с искривленным позвоночником. Повторяя эту историю, она поднимала очки, морщила нос и указательным пальцем проводила в воздухе волнистую линию, показывая очертания его тельца. По ее словам, моя мама часами держала его в своих руках, целовала его головку и прижимала к груди, раскачиваясь.

Мама не собиралась заводить очередного ребенка, тем более внебрачного. Но вариант аборта она никогда не рассматривала, так что плод продолжал расти внутри нее. Мама не могла представить, как хорошая христианка сможет оборвать жизнь ребенку, даже если не может обеспечить его всем необходимым, а моя мать очень хотела быть хорошей христианкой. Но беременеть она тоже не хотела. Когда ребенок родился мертвым, она обвинила себя в том, что именно ее нежелание привело к подобному исходу. Назвала она его в честь его отца. Его могилку никак не отметили.

Потом мама вернулась домой, вся больная и расстроенная. Бабушка говорила, что она часами сидела в ванной, истекая кровью и уставившись в пространство, пока ее организм очищался от греха. Ее молчание пугало нас с братом по причинам, понять которые мы еще не могли. Мы сидели неподалеку, прислушиваясь к небольшим всплескам, когда она устраивалась поудобнее, удостоверяясь в том, что она все еще дышит и живет и не собирается бросать нас на произвол судьбы. По другую сторону двери мама возносила беззвучные молитвы, вздрагивая от судорог и обращая все меньше внимания на погружавшийся в красный мрак окружающий ее мир.

Бабушка с тетей беспокоились о ее здоровье и отправились к принимавшему роды малютки Даррела мужчине предъявлять претензии по поводу его криворукости. По их словам, голос моей матери застрял у нее где-то в груди, откуда его невозможно было достать. Она даже не пыталась обрести свой голос. Она смирилась с молчанием, с кровотечением и со своей неизбежной кончиной. Доктор сказал бабушке, что это психосоматическое расстройство. Бабушка назвала его шарлатаном и демоном.

Он сказал:

– Никаких причин для продолжения кровотечения больше нет. Она сама осуждает себя в своем сознании. Ей не станет лучше, пока она не решит, что ей должно стать лучше.

Кто-то посчитал, что мой брат останется с матерью, а

я должна уехать с бабушкой. Мы переехали к ее отцу в фермерский дом прадедушки в Колумбии, штат Миссури. Несколько лет спустя, когда самые худшие моменты того времени уже почти стерлись из памяти, я спросила, почему меня отправили с бабушкой Билли, хотя я должна была пойти в подготовительный класс, и мне ответили: «Потому что ты захотела с ней поехать».

В Миссури я погрузилась в новую жизнь – жизнь без брата, живого и мертвого, и с бабушкой, которая накладывала мне на вафли клубнику или взбитые сливки пальцами без крови под ногтями. Там некому было оберегать меня и беспокоиться обо мне. Я скучала по маме, но с каждым днем все меньше и меньше. Компанию мне составляли собака, коза и прадедушка, кидавшийся молотками в заходивших на задний двор диких свиней и плативший мне два доллара за то, что я приносила инструменты обратно в дом. Эта игра определенно понравилась бы брату, но я старалась не слишком часто вспоминать его. Всякий раз, как я думала о нем, мне становилось грустно, и я скучала по нему. Я не могла забыть его, как бы ни старалась.

У нас с бабушкой сформировался свой распорядок дня. Я каждый день ходила в школу, а по воскресеньям мы отправлялись в кино, и мне дарили одну игрушку. Фильмы мы выбирали по очереди, и когда наступала моя очередь, я могла выбрать совершенно любой. Меня безумно возбуждала безграничность моего выбора, и я делала его, основываясь по-

что исключительно на афишах возле кинотеатра. Так я выбрала «Масло Лоренцо», «Рыбу страсти» и «День сурка». Угодить мне было легко, и я никогда не возражала против выбора бабушки даже после того, как «Огонь в небе» заставил меня плакать по ночам целую неделю. Бабушка любила меня, но не обладала даром утешения. Каждый вечер она заставляла меня читать попеременно то Библию, то комиксы про Барби, то покупаемые в супермаркетах таблоиды про звезд. Мне казалось, что принцесса Диана и Мария Магдалина выглядят одинаково. То же самое я думала про Билли Рэя Сайруса и Иисуса Христа. Когда мне по ночам не давали спать мысли про похищение инопланетянами, я, чтобы отвлечься, доставала из-под подушки журнал *Star*.

Жизнь вместе с бабушкой и ее отцом на полях Миссисипи научила меня часами думать только о себе. Проводя по полдня наедине с собой, без всякой отвлекавшей меня от размышлений компании, я научилась думать о том, кто я такая, кем я собираюсь стать и чего мне хочется.

В свободное время я исследовала окрестности прадедушкиного участка и заходила дальше, чем мне позволяли. Слишком маленькая и глупая, чтобы осознавать опасность, я придумала свою игру – выслеживать и хватать за хвост садовых ужей. Я хватала их достаточно быстро, чтобы они не успели опомниться, и тут же бросала, прежде чем они успевали поцарапать мне кожу своими зубами. Укусили меня только однажды. Укус был быстрым и болезненным, но

я не закричала. Вытаращив глаза, я принялась размахивать руками, пока уж не отцепился от меня. Потом я зажмурилась и прислонилась к дереву. Задержав дыхание, я успокаивала себя, обращаясь прямо к двум дырочкам на указательном пальце.

– Тебе не больно, Эшли, – повторяла я, бережно обхватив больную руку здоровой. – Если будет больно, ты умрешь. А ты не умрешь.

Когда мы на Рождество приехали в Индиану, мама обвинила бабушку в том, что та настраивает меня против нее.

– Она так ведет себя, будто даже не знает, кто я такая.

В словах матери ощущался яд, знакомый гнев поднимался из глубины ее гортани.

За несколько дней до Рождества мама зашла в гостиную и увидела, как я играю с куклой. Эту куклу она купила и, завернув, оставила под елкой. Она знала, что кукла мне понравится, и надеялась, что она напомнит мне о том времени, когда мы играли все вместе и жили в однокомнатной студии. Теперь она снимала дом с двумя спальнями, и в нем было достаточно места и для меня, но я до сих пор жила в Миссури. Никто не считал удачной идеей возвращать меня в Форт Уэйн посреди учебного года, но мама скучала по мне и хотела видеть дома.

Увидев, что я открыла подарок раньше времени – тот подарок, ради которого она оставалась на дополнительную под-

работку, – мама закричала. Но я не только ощущала, что отдалилась от матери, я сердилась на нее и не понимала, чего она от меня хочет. Она то отсылала меня, то просила вернуться, а теперь, похоже, разозлилась оттого, что я нахожусь здесь. Я отвернулась и пошла прочь и тут же уткнулась лицом в ковер гостиной. Мама пнула меня. Я не заплакала.

Через пару мгновений мама подобрала меня и прижала к себе. Меня очень редко держали на руках, и это само по себе было вознаграждением. Но сейчас я отвергла ее жест, обмякнув всем телом. Я надеялась, что она подумает, будто я умерла или парализована. Мне хотелось, чтобы она поняла, как сильно обидела меня. Мне хотелось, чтобы она извинилась передо мной, как когда-то извинился ее ухажер. В комнату вошла бабушка, посмотрела на нас и спросила, что случилось. Мама сказала, что я открыла подарок. Бабушка объяснила, что купила мне такую же куклу в Миссури. Бабушка встала на колени рядом со мной.

– С тобой все в порядке, детка?

Я посмотрела на входную дверь.

– В порядке. Ничего не болит. Я не умерла.

Мама ушла в свою комнату и закрыла дверь.

– Бабушка, скажи ей, что все в порядке. Я же не умерла.

Я жива.

Когда мы с бабушкой вернулись на ферму, я выпрыгнула из бабушкиной машины и ворвалась в дом. Сначала я забежала в гостиную, где на столике всегда стояла моя чайная

чашка, затем в ванную, где в розовом стакане у раковины была моя замечательная зубная щетка. Я дотрагивалась до всех вещей, которые напоминали мне о моей новой жизни в Миссури, где никто не бил меня, где я могла читать сколько угодно и где не было ржаво-красных пятен в ванне. Я обратилась к бабушке, не глядя на нее.

– Не отвози меня больше никуда, ладно? Я не хочу никуда уезжать.

Она посмотрела на меня, затем на задний двор, туда, где я играла без разрешения. Она схватила меня за руку и повела к деревьям, взяла лопату и мешок из грубой ткани, валявшийся рядом с грилем. Потом мы шли дальше и дальше, пока не дошли до той части нашего участка, где прадедушка косил траву. Притоптав немного траву, бабушка воткнула лопату в землю. Она копала медленно, целенаправленно, как будто тайком похищала у земли ее сокровище. Почва была мягкой, и вскоре она попросила меня подойти поближе.

Я заглянула в яму и увидела садового ужа. Нет, двух, трех, четырех... множество садовых ужей. Они сплелись в своего рода узле, хотя и не вплотную друг к другу. Они двигались быстро и упорядоченно один вокруг другого. Они не боролись и не старались побыстрее скрыться от нас или от кого-то еще.

– Что они делают, бабушка?

Бабушка смотрела в яму.

– Они любят друг друга, детка.

Порывшись в мешке, она достала жидкость для розжига, налила ее в яму и подожгла спичку. Трава вокруг ямы загорелась, змеи – тоже. Инстинктивно мне захотелось схватить их и отбросить как можно дальше, в безопасность, но я тут же вспомнила, как они кусаются; я колебалась слишком долго, чтобы им можно было помочь.

Продолжая гореть, змеи не уползали прочь и не бились в безумии. Они лишь плотнее прижимались друг к другу. Даже когда от огня облезали их чешуйки, они старались сильнее сплотиться, прижаться к другим змеям вокруг них. Их зеленая кожа темнела и покрывалась пузырями; из-под металлического капюшона каждой сочилась и закипала плоть. Они не паниковали, не убегали. Я заплакала.

– Тебе придется вернуться. Нам обоим придется вернуться домой. Мама скучает по тебе.

Бабушка взяла меня за руку, и мы обе продолжили смотреть в яму.

– Эти твари загорелись, но не покинули друг друга. Мы не отказываемся от своих. Мы не перестаем любить наших родных.

Она смотрела на меня, и ее глаза наполнялись слезами.

– Даже когда сгораем заживо.

Перед тем как отправиться в Индиану на автобусе, бабушка облачилась в розовый спортивный костюм и надела на меня такой же, чтобы мы не потерялись в толпе. Когда люди, ожидавшие автобус, толкались – особенно при посадке, – бабушка сжимала мои пальцы, притягивала к себе и пристально глядела на каждого, кто, по ее мнению, подходил ко мне слишком близко. Я ненавидела, когда она сжимала мне руку. Я ощущала, как страх и напряжение спускаются с лица бабушки по шее и плечам, переходят в ее руку, а затем и в ладонь, сминавшую мою. От этого я тоже начинала испытывать страх, хотя бояться, казалось бы, было нечего. Она заставляла меня бояться чего-то невидимого. Но мне нравились костюмы одинакового цвета. Я была слишком маленькая, чтобы испытывать неловкость от этого, мне не нужно было подчеркивать разницу между нами, к тому же моя бабушка всегда отличалась хорошим вкусом в одежде. Я гордилась тем, что похожу на нее. Гордилась тем, что меня видят рядом с ней, и мне становилось немного спокойнее от мысли, что она всегда следит за мной.

Через несколько недель после возвращения на ферму она сказала, что пора ехать обратно домой, что моя мама скучает по мне, но я не соглашалась. В автобусе я прижималась лбом к окну, стараясь держаться подальше от красной полоски с

предупреждением о том, что это аварийный выход. Как-то во время одной из предыдущих поездок на автобусе бабушка сказала, что если я усну на этой полоске, то окно может открыться, я выпаду на дорогу, и никто не заметит, что меня уже нет. Я мысленно представила, как мое спящее маленькое тело вываливается из автобуса и со стуком падает на дорогу, тогда как все остальные, в том числе водитель, продолжают спокойно ехать в Индиану, нисколько не задумываясь о том, что одна маленькая девочка, которая только что находилась рядом с ними, лежит теперь мертвая где-то далеко позади. Я приучила себя к чуткому сну, научилась ощущать разницу между полоской и стеклом на лице. Сейчас же легкая вибрация автобуса на ходу успокаивала меня, и мне снились моя чайная чашка с блюдцем, оставшаяся на ферме, сама ферма, где я могла при небольшом воображении быть кем угодно и ходить куда угодно. Когда я проснулась, бабушка рассказала, что мама переехала в новое место, что там будет больше пространства для игр и что все мы начнем в Индиане новую жизнь.

Для меня в Индиане действительно началась новая жизнь, но не в том смысле, как обещала бабушка. Кое-что изменилось. Я отсутствовала почти год, и к этому времени у меня появилась маленькая сестренка Никки. Я знала о ее существовании, но как-то позабыла об этом факте. Ее отцом был Даррелл, но с нами он не жил. Тогда мне было трудно помнить о тех, кого я никогда не видела живьем. Сестренка ро-

дилась за два дня до моего дня рождения, а я даже не помнила, чтобы мама была беременной. Когда мама вернулась из больницы, я еще находилась в Миссури. Брат любил Никки так сильно, что постоянно твердил о ней. Я считала, что она красивая, даже красивее меня, прежней и нынешней, и бабушка это подтверждала.

Когда я вошла в дом вслед за бабушкой, мама обняла меня одной рукой. Брат же обнял так крепко, что мы упали на пол.
– Покажи ей площадку, – сказала мама.

На площадке не более чем в сотне ярдов от дома были две горки, две пары качелей и огромная песочница. Первым делом мы побежали к качелям. Раскачавшись как можно сильнее, мы прыгивали с них, летели по воздуху и приземлялись в кучу с мягким песком. И улыбались друг другу широко, по-настоящему. Я позабыла обо всем на свете. Я забралась вслед за братом на горку, не в силах сдерживаться от глупой улыбки. У меня даже заболело лицо, в животе урчало от возбуждения.

– Смотри, – показал брат на край платформы, на которой мы стояли.

Я склонилась, увидела кое-что и тут же шагнула назад. Перед нами извивались две половинки огромного земляного червя, перерубленного кем-то пополам. Брат положил мне голову на плечо и сказал:

– Он скоро умрет.

Мы повернулись и скатились с горки друг за другом.

Долго привыкать к новому дому мне не пришлось. Моя малышка-сестренка была забавной, у моего брата была приставка *Nintendo* с двумя контроллерами, мама поставила в моей спальне белую кровать, белый письменный стол (с такой же дополнительной книжной полкой) и длинный белый шкаф. На стенах в белых рамках висели рисунки с чернокожими детьми, держащими воздушные шары и мороженое. По утрам мы все вместе выходили из дома, а по вечерам обычно спали в одной комнате. Сестренка спала в кровати с мамой, а мы с братом раскладывали матрасы на полу рядом с ними. Телевизор работал допоздна, и я долго лежала, смотря «Идеальных незнакомцев», «Старосту класса» и «Золотых девочек». Жизнь здесь отличалась от жизни в Миссури, но было здорово снова оказаться в кругу семьи. Даже если я и засыпала самой последней.

Перспектива пойти в новую школу меня несколько не беспокоила. Учительница в Миссури и бабушка говорили, что я хорошо читаю; мама записала меня с братом на программу «Книга месяца», и я читала все, что попадало мне в руки. Когда в доме заканчивались новые книги или мне надоедало перечитывать старые, я переходила через улицу к тете Трине и дяде Скотту и читала книги их детей. Не раз тетя заставляла меня за чтением вслух моим двоюродным братьям и сестрам и говорила маме: «Она передает разные голоса и вообще все. Хорошая девочка».

С фермы я привезла мало вещей, но не раз напоминала бабушке, чтобы она упаковала книжки из серий «Маленькие создания», «Медведи Беренстайна» и «Лягушка и Жаба», и проверила перед отъездом, не забыла ли она их уложить. Бабушка пробудила во мне страсть к историям и, когда я снова стала жить с мамой, уговорила нас с братом записаться в библиотеку. Библиотека казалась нереальным чудом – столько книжных шкафов с морем книг, и можно выбрать любую, найти свободное место и читать, читать, читать. Поняв, что никто не запрещает мне заходить в отдел для подростков и взрослых и что мой возраст не имеет значения, пока я сижу и читаю, я обрела новый дом для своего духа и сознания. У меня и до этого неплохо было развито воображение, но здесь оно не встречало никаких границ. На протяжении всей дальнейшей жизни я воспринимала библиотеку как некоторые – часовню, от которой исходит рассеивающий мрак мягкий свет.

Учительница дошкольной группы в Миссури миссис Адамс сказала бабушке, что я была особенной. Но я знаю, что она так говорила обо всех детях в нашем классе, поскольку она делала это открыто. Постоянно. Раздавая наши рисунки и работы, она задерживалась перед каждым, смотрела нам в глаза и говорила: «Отличная работа. Ты такая особенная». Я лично не думала, будто я какая-то особенная, и до сих пор подозреваю, что никаких выдающихся способностей у меня никогда не было, но раз она так говорила, я старалась соот-

ветствовать ее ожиданиям. Дома, в присутствии бабушки, я читала книги, смотрела телевизор и играла со всем, с чем можно было играть. В школе я старалась понять, что делать и как себя вести, чтобы казаться особенной.

Мы переехали в Индиану за две недели до конца моего первого учебного года, поэтому справки с моими оценками отправили по почте. Однажды бабушка пришла домой и вручила маме мой табель и свидетельство об окончании дошкольных занятий. На следующий день нам позвонил отец, что случалось довольно редко. Когда мама протянула мне трубку, я закричала в нее:

– Я закончила дошкольный класс, папа! Я прошла!

– Я так горжусь тобой, дочка, – в его голосе ощущались улыбка и гордость, и я вся засветилась от удовольствия. – Ты такая умная девочка.

Мне нравилась учительница нашего первого класса миссис Йорк, и я, похоже, ей тоже нравилась, хотя мне и с трудом удавалось сидеть спокойно, когда она требовала тишины. В голове у меня всегда возникало множество вопросов, а за ними еще больше новых вопросов, но все же мне казалось, что я скорее забавляла, нежели раздражала ее, и я ее не боялась. В целом все ее поступки и решения имели смысл. Я ценила четкие правила и распорядок ее уроков. Если она поправляла меня, то делала это убедительно и даже заботливо, и для меня это много значило. Дети всегда чувствуют разницу между взрослыми, которые хотят навязать им свою

волю, и теми взрослыми, которые помогают им развить свои способности. Она принадлежала ко второй категории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.